

Операция «Внедрение», или Как выжить в Царстве теней (поиск ключей к «Науке логики» Гегеля — ключ № 1)

Сухно А. А.,
кандидат философских наук,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Москва, Россия; 125993, Волоколамское шоссе, д. 4,
volyakvlasti@mail.ru

Гулин В. В.,
младший научный сотрудник,
Институт автоматизации проектирования РАН,
Москва, Россия; 123056, 2-я Брестская ул, д. 19/18,
kornet104@gmail.com

Аннотация: Цель статьи — изменить восприятие «Науки логики» Гегеля как классического произведения, имеющего исключительно «историко-философскую» ценность. Авторы показывают, что в нём воспроизводится двусмысленная интеллектуальная ситуация, которая указывает на внутренний разлад в структуре научного высказывания. Это ставит вопрос о необходимости специфической операции для адекватного прочтения текста Гегеля, способной эту двусмысленность преодолеть. Результат применения такой операции будет состоять в том, что она снимет у читателя критическую дистанцию относительно гегелевского произведения, позволит «внедриться» в него. Этот переворот в восприятии классического философского текста, по замыслу авторов, должен привести к его актуализации.

Ключевые слова: Гегель, «Наука логики», знание, внедрение, понятие, онтология, круг, основание, чистая наука.

В истории философии существуют такие работы, которые сложно читать, потому что их сложность задаётся отсутствием аутентичного способа чтения. Одна из них — это «Наука логики» Гегеля. Дело не в глубине анализа и интерпретации текста, которые как раз могут быть тщательными и точными — можно только позавидовать упорству исследователей. Скорее, в его «читабельности» — больно уж он перегружен абстрактными конструкциями, которым не всегда найдёшь подходящий аналог в реальном мире. А порой и вообще сложно разобраться, имеют ли какой-то смысл те тонкие концептуальные различия, которые проводит Гегель, или они носят исключительно формальный характер. Неминуемо возникает подозрение, что они нужны только для того,

чтобы «заткнуть» неизбежные, как может показаться сначала, пробелы в гегелевской концепции.

Но что если это обстоятельство указывает на что-то другое — например, что существовало нечто, что мешало Гегелю выразиться иначе? Тогда проблема заключается в *определении измерения*, в котором следует воспринимать данный текст, — найти специфический способ чтения, чтобы он хотя бы частично утратил свою сложность.

Сразу следует отметить, что здесь не помогут суждения вроде «Гегель просто называет онтологию “логикой”». Или «Гегель описал логическую структуру развития природы или общества, придав ему мистическую или теологическую форму» и т. д. Всё это — не что иное, как способы отмахнуться от гегелевского начинания, отказаться от поиска такого специфического измерения для восприятия текста. В самом деле, в подобных суждениях неявно подразумевается, что, видимо, есть опыты более последовательные в развёртывании онтологических, социологических, исторических или (мета)физических интуиций. Как следствие (не всегда озвучиваемое, но подразумеваемое) — Гегеля читать, по большому счёту, не стоит. И такие формулы неизбежны, поскольку отсутствует чёткое понимание того, с чем мы имеем дело. Проще считать, что — с онтологией, метафизикой, историей, теологией и т. д., по недоразумению названными «логикой», чем искать неведомое измерение, которое мало похоже на «логику» в привычном «аристотелевском» понимании. Но для этого измерения — вот ведь незадача! — кажется, нельзя подобрать более подходящего названия.

Можно, конечно, пойти другим путём. А именно — скрупулёзно вычленять из гегелевского текста отдельные «логические операции» или «категории», под которые затем подыскивать подходящие эмпирические иллюстрации, конкретные примеры, предполагая, что в пределе должно получиться «полное описание реальности». Во-первых, это довольно проблематично из-за разветвлённости концептуального аппарата и переходов между его элементами. А во-вторых, по нашему мнению, *именно эти переходы* составляют специфику произведения и в принципе *не должны отслеживаться* на уровне эмпирического наблюдения, под угрозой срыва всего предприятия.

Видимо, правильный вопрос, который в этой ситуации следует задать, будет звучать так: почему не находится перспектива, чтобы сделать возможным прочтение гегелевского текста? Почему он остаётся «сложным», в смысле — «не-читабельным» для подавляющего большинства своих потенциальных читателей?

Есть ещё более интересный вопрос, важность которого осознается не сразу, но затем он не на шутку интригует. Почему, тем не менее, для многих потенциальных читателей текст «Науки логики» до сих пор сохраняет свою значимость — даже для тех, кто признаётся, что не в состоянии его осилить? Речь не только и не столько об академической рецепции Гегеля (здесь наличие «фанатов Гегеля» удивления как раз не вызывает — они есть у любой более-менее крупной фигуры, отнесённой университетской традицией к «философской классике»), сколько именно о её «научно-популярной» или «медийной» версии. Если проследить количество разнообразных материалов в интернете, написанных о Гегеле «не-философами», то следует констатировать: в публичной среде существует *неудовлетворённый запрос на Гегеля*.

Этот двусмысленный статус гегелевского произведения в публичном поле — его не-читабельность и тем не менее неувыдающий интерес к нему — заставляет заняться поиском ключей к «Науке логики».

Самое первое знакомство с нею неизменно обескураживает. Сначала кажется, что это произведение уводит нас от чего-то — (на выбор) «конкретного», «реального», «жизненного», «онтологически-аутентичного» или «строго-научного» и т. д. Да и как иначе, если Гегель предлагает нам иметь дело с панорамой зубодробительных абстракций — сам лично приглашает сойти в Царство теней, где обитают не реальные вещи, а их призраки?!

Это будет наш тезис, который мы попытаемся доказать на протяжении серии статей. А именно: пока мы остаёмся на позиции, *внешней* по отношению к гегелевскому предприятию (то есть будем считать, что можем его адекватно анализировать, судить с каких-то иных позиций, чем позиция самого Гегеля, в чём бы она ни заключалась), текст «Науки логики» будет недоступен для адекватного восприятия, непроницаемым и замкнутым. Следовательно, для своего прочтения он требует совершенно особой операции — предварительно назовём её «внедрением». Необходимо пройти несколько этапов, чтобы разобраться, как эта операция возможна, потому что именно она даёт доступ на закрытую для посторонних территорию, которую Гегель так выразительно назвал Царством теней.

«Временная петля» в устройстве знания, или Как осознать Круг, когда ты внутри него

Сама поставленная задача — «внедриться» в проект Гегеля, оценивать его *изнутри*, с точки зрения самого проекта, — подсказывает начало размышлений. Нужно сосредоточить внимание на той части произведения, где сам автор сам идёт навстречу читателю — облегчает процесс «погружения» в собственный текст. Как можно догадаться, речь идёт о *Введении*.

Здесь как будто разворачивается игра на опережение: автор предвосхищает реакцию читателя, пытается предугадать и сразу скорректировать превратное понимание собственного текста. Найти точки соприкосновения, предупредить, подготовить, поработать с настройками восприятия читателя — всё это и означает *ввести* его в собственное произведение, выступить в роли проводника. И главная задача, которую должно выполнить Введение, — это *оправдать* само предприятие, *придать основание* написанному произведению. «Оно могло быть написано потому-то и потому-то — вот его причины, цель, вот инструменты, использованные при его создании, — вот почему важно обратиться к этой теме и осознавать значимость достигнутых результатов».

Это вступление, которое граничит с ритуальной вежливостью и вроде бы не должно быть обязательным, на самом деле выполняет важную функцию. А именно — позволяет читателю сохранить *критическую дистанцию* с содержанием произведения. Поскольку в таком случае предполагается, что есть некая «нейтральная территория», особое тематическое пространство, где уже имеет место авторская речь, но само произведение *ещё не началось* — мы ещё не приступили к разбору и исследованию его

предмета. А следовательно, автор и читатель находятся здесь как бы «на равных» — как дипломаты за столом переговоров.

Однако в случае «Науки логики» всё обстоит иначе. Дело в том, как уже было замечено многими (а в первую очередь — самим Гегелем), что «Введение» в гегелевскую логику, на уровне его собственной теории, *совершенно излишне (!)* — само его присутствие в начале затемняет содержание того, о чём пойдёт речь. Гегель высказывается на этот счёт вполне определённо: *всё то, что мы можем предварительно сказать о «Науке логики», должно быть достигнуто внутри самой «Науки логики»*¹. Это видно хотя бы из того, что в самом Введении («Всеобщее понятие логики» и «Всеобщее деление логики») используются *логические* понятия (*Begriff*)², которые должны быть выведены *после*, но они здесь *уже работают*. А это означает, что внутри произведения нет такого параграфа или раздела, где бы можно было, так сказать, «на законном основании», совершенно легитимно, без всяких оговорок и условных допущений их ввести. Какие-то понятия придётся в любом случае использовать *преждевременно* — и это необходимая цена, которую нужно заплатить за создание «Науки логики».

Таким образом, начинает вырисовываться тот специфический предмет, с которым имеет дело логика по версии Гегеля. Коль скоро невозможно занять по отношению к ней хотя бы минимальную мысленную дистанцию — совершить необходимые приготовления, обосновать её, а затем уже приступить к изучению, то следовательно, речь о процессе, в который мы *всегда уже* включены. Конечно, у гегелевского текста, как и у любого другого (набора символов, набранных типографским шрифтом и занимающих пространство печатного листа), имеется *начало*, — поэтому ему и можно «технически» предпослать Введение. Однако у того, о чём пишет Гегель, начало *в принципе отсутствует*. Поэтому мы просто не можем пройти мимо той мысли, что само устройство текста — в стандартной жанровой спецификации — уже производит определённое искажение. Последствия этого ещё скажутся, но предметно говорить об этом ещё рано — пока только обозначим проблемное поле: весьма вероятно, потребуется отдельный жанр для описания концепции, относительно которой невозможно занимать *внешнюю, «критическую»* позицию.

Значит ли вышесказанное, что занятие Логикой вообще не может быть обосновано?

1 «[...] подразделения и заглавия книг, разделов и глав, данные в настоящем сочинении, равно как и связанные с ними объяснения, делаются для предварительного обзора и что они, собственно говоря, имеют лишь историческую (*historischem*) ценность. Они не входят в содержание и корпус науки, а суть сопоставления, произведенные внешней рефлексией <...>, которая уже ознакомилась со всем изложением в целом, заранее знает поэтому последовательность его моментов и указывает их ещё до того, как они будут выведены из самой сути дела» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики. 1997, С. 43–44).

2 Здесь и ниже мы будем указывать в скобках, выделяя курсивом, немецкие термины из первоисточника [Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. 1832. URL: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (дата обращения: 16.08.2020)], поскольку «замыленность» русских эквивалентов служит плохую службу отчётливому пониманию мысли Гегеля. В цитатах из «Науки логики» термины указываются в той же грамматической форме, что и в самом произведении, а в основном тексте статьи — в именительном падеже. В цитатах немецкие термины, указанные в скобках переводчиком русского издания «Науки логики», курсивом не выделяются.

Нет, отвечает Гегель, оно будет обосновано: но только не предварительно, до начала произведения, поскольку у произведения нет начала как такового, а в самом конце, при достижении итогового результата.

Тогда откуда мы знаем, что такой результат будет в самом конце достигнут?

И на это у Гегеля тоже имеется ответ, который при ближайшем рассмотрении, кажется, граничит с научной фантастикой. Это возможно только при условии, что мы имеем дело с Кругом — который мы уже целиком прошли, вышли к исходной позиции внутри Круга с другой стороны, а потому «абсолютно точно» знаем, с чем столкнёмся в самом конце.

Известный (в первую очередь, для франкоязычной аудитории) исследователь творчества Гегеля Александр Кожев интерпретирует этот момент следующим образом: чтобы получить абсолютное знание, необходимо, чтобы История завершилась, но чтобы констатировать завершение Истории, нужно обладать абсолютным знанием. И этот «порочный круг» или «кругообразность описания», говорит Кожев, Гегель посчитал «критерием абсолютной истинности своего описания реального <...> он убеждается, что проделал и описал круг и что если двигаться дальше, то это движение будет только *возвращением на круги своя*. Невозможно *расширить* гегелевское описание»³. Иначе говоря, мы можем констатировать завершение пути («конец Истории») только в том случае, если *сами же его прошли*: включились в движение на определённом этапе и дошли до самого конца. И если, миновав эту точку, мы продолжаем движение, то сталкиваемся лишь с повторением уже пройденного маршрута, а следовательно — раскрываем тот факт, что находимся в Круге.

Это классическая для фантастической литературы (но не для философии!) ситуация «временной петли». Современный словенский философ Славој Жижек в «Возвышенном объекте идеологии» приводит в пример рассказ Уильяма Тенна «Открытие Морниеля Метвея». В этом рассказе историк искусств совершает путешествие в прошлое, чтобы найти великого художника Морниеля Метвея. Однако «встретившись с Метвеем, историк не обнаруживает в нём никаких признаков гениальности, напротив, тот оказывается выскочкой с манией величия, даже жуликом, похищающим машину времени и скрывающимся в будущем». И всё, что остаётся историку — «это назваться именем сбежавшего Метвея и создавать под этим именем все те шедевры, которые стали известны в будущем, — он сам оказался тем непризнанным гением, которого искал»⁴.

Итак, мы имеем дело с круговым движением, круговоротом (*Kreislauf*), в который мы уже включены, и где «последнее (*Letzte*), основание (*Grund*), и есть то, из чего

3 Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля. — СПб.: Наука, 2003. — С. 579–580.

4 Жижек С. Возвышенный объект идеологии // Художественный журнал. 1999. — С. 31. И хотя Жижек рассказывает этот сюжет в качестве иллюстрации механизма образования симптомов и *трансфера* в лакановском психоанализе, буквально в следующем параграфе он обнаруживает эту же структуру в философии истории Гегеля. Его работа завершается развёрнутой экспликацией этой структуры — описанием «круга полагания и предпосылания» (*the circle of positing and presupposing*): субъект обнаруживает в чуждой, внешней субстанции полагание собственных предпосылок, признаёт в ней своё «творение», и одновременно в самом этом акте полагания и проявляется расколота внутри себя (*in itself split*), самоотчуждённая субстанциональная сущность (*substantial Entity*), которая таким образом предстает в качестве субъекта (там же, С. 109–110).

происходит первое (*Erste*), выступившее сначала как непосредственное (*Unmittelbares*)»⁵. Или с «Кругом кругов», как уточняет Гегель в конце «Науки логики», полагая, что каждый элемент Круга также возвращается в собственное начало, которое одновременно является началом нового элемента⁶. По сути, гегелевская логика — это способ разобраться в природе этого Круга, отбросив всё лишнее, поэтому она и есть «истина, какова она без покровов (*ohne Hülle*), в себе и для себя самой <...> изображение Бога, каков он в своей вечной сущности до сотворения (*in seinem ewigen Wesen vor der Erschaffung*) природы и конечного духа»⁷.

Здесь встаёт вопрос, который Гегель даже выносит в отдельное примечание: с чего начинать науку, если, добавим мы, у неё нет никакого начала?

**Между *reines Wissen* («чистое знание») и *reine Wissenschaft* («чистая наука»),
или Как размокнуть Круг, когда ты внутри него**

Задача нетривиальная и требует нестандартных решений. То, что делает Гегель, напоминает использование теории функции комплексного переменного при нахождении интегралов — введение мнимого измерения, которое позволяет выполнить эту операцию более эффективно. Аналогично в нашем случае сначала надо создать дополнительное измерение, где есть вход в науку логики, произвести необходимые операции, достичь некоего результата, на котором можно закрепиться, после чего произвести обратную замену, которая соответствует реальной картине, где входа нет. Так мы можем временно представить Круг, в который мы угодили, в качестве прямой, а затем вернуться обратно — внутрь Круга. Математическая аналогия здесь тем более любопытна, что при введении дополнительного измерения («мнимой оси») обнаруживается, что прямая линия — частный случай окружности в комплексной форме.

«В феноменологии духа (*In jener Abhandlung*) непосредственное сознание (*unmittelbare Bewußtsein*) есть первое и непосредственное также и в науке, и, стало быть, служит предпосылкой (*Voraussetzung*); в логике же предпосылкой служит то, что оказалось результатом указанного исследования, идея как чистое знание (*reine Wissen*). <...> Чистое знание как слившееся в это единство (*als in diese Einheit zusammengegangen*) сняло всякое отношение к другому и к опосредствованию (*Vermittlung*); оно есть то, что лишено различий (*Unterschiedslose*); это лишённое различий, следовательно, само перестаёт быть знанием; теперь имеется только *простая непосредственность* (*einfache Unmittelbarkeit*)»⁸.

Здесь имеются два отдельных хода.

Во-первых, Гегель говорит, что наука логики представляет собой «чистую науку» (*reine Wissenschaft*), чьим содержанием является «чистое знание» (*reines Wissen*). Это не знание о каком-то конкретном предмете или в какой-то отдельной тематической области,

5 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 58–59.

6 Там же. С. 770.

7 Там же. С. 39.

8 Там же. С. 57.

а знание как таковое. К этому «чистому знанию» мы пришли, изучая этапы развития сознания в «Феноменологии духа», где, в конце концов, была устранена противоположность сознания и его предмета (*Gegensatz des Bewußtseins und seines Gegenstandes*). И таким образом, «Наука логики» с необходимостью вытекает из этой операции «устранения/снятия противоположности» (*Aufhebung des Gegensatzes*), обоснована ею: поскольку Гегель производит опосредование⁹ (*Vermittlung*) «Науки логики», описывает путь, который к ней привёл, то есть — придаёт ей необходимое основание. Но это именно то, что в рамках «Науки логики» он не должен был делать, потому что «Феноменология духа» как научное исследование сама должна быть обоснована внутри «Науки логики». Чем Гегель и занимается в третьей части, в «Субъективной логике», где указывает место «Феноменологии духа» в «системе абсолютного знания».

«Эта ступень есть предмет Феноменологии духа — науки, находящейся посредине между наукой о природном духе (*Naturgeistes*) и наукой о духе как таковом (*Geistes als solchen*), и рассматривающей в то же время для себя сущий дух в его соотношении со своим иным (*in seiner Beziehung auf sein Anderes*). <...> Идея же духа, составляющая предмет логики, находится уже внутри чистой науки; потому эта наука имеет своей задачей не обозрение пути (*Gang*), на котором он переплетается с природой, с непосредственной определённой и с материей или представлением <...>; она имеет этот путь уже позади себя или, что то же самое, скорее перед собой, — позади себя, поскольку логика берётся как последняя (*letzte*) наука, перед собой, поскольку она берётся как первая (*erste*) наука, из которой идея только переходит в природу»¹⁰.

Здесь мы видим всё тот же, до боли знакомый нам Круг. Операция «снятия/устранения противоположности сознания и его предмета» и формирования «чистого знания», проведённая в «Феноменологии духа», в той же мере может обосновать «Науку логики», как сама «Наука логики» — «Феноменологию духа» с произведённой в её рамках операцией.

Однако вторым ходом Гегель тотчас отменяет свой первый ход. Операция опосредования, которую он только что предпринял, «аннулируется», проделанный путь в расчёт больше не принимается. Поскольку «чистое знание» как результат предыдущего исследования «сняло всякое отношение к другому и опосредствованию» (*hat alle Beziehung auf ein Anderes und auf Vermittlung aufgehoben*) и предстаёт как непосредственность (*Unmittelbarkeit*), с которой можно теперь начинать «чистую науку».

В результате мы полагаем, что правильно будет расставить акценты следующим образом. Чтобы выйти из Круга «чистого знания» (*reines Wissen*), надо создать «чистую

9 Лексическое поле оригинального термина “*Vermittlung*” — «посредничество», «содействие», «передача», «коммутатор» (Немецко-русский словарь / ред. Лепинг А. А., Страхова Н. П. М.: Русский язык, 1976. — С. 872) — оставляет открытым вопрос о том, что позволило переводчику русского издания увидеть в нём именно «опосредствование», а не «опосредование». К моменту написания статьи авторы не пришли к общей позиции по поводу русскоязычного термина — остались разногласия. Поэтому было принято «соломоново решение»: в цитатах общепринятый перевод остаётся без изменений, но в основном тексте статьи используется «опосредование».

10 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 715–716.

науку» (*reine Wissenschaft*) — *последовательно* («от начала до конца»!) её выстроить, чтобы понять, где мы вообще находимся — *что именно* мы называем Кругом. Напомним, Круг — это не онтологическая сущность, а структура или траектория нашего знания, и потому определение нашего «реального местонахождения» не очевидно и представляет немалый интерес. Для этого необходимо начать движение из любой занимаемой точки внутри Круга, а затем мысленно устранить тот путь, который был пройден, и оставить только достигнутый на этом пути результат. Иначе говоря, чтобы начать, нужно произвести *разрыв, размыкание* Круга, когда «чистое знание» «должно отступить от своего содержания (*von seinem Inhalte zurückzutreten*), дать ему действовать самостоятельно (*ihn für sich selbst gewähren zu lassen*) и больше не определять его (*nicht weiter zu bestimmen*)»¹¹. Так мы получим непосредственность, которой нам не хватало для введения «начала», так как внутри Круга все опосредовано — и начинать, собственно говоря, было не с чего.

Если без околичностей, то Гегель говорит нам примерно следующее: «Да, я написал «Феноменологию духа», но давайте теперь будем *вести себя так, как будто* я её не писал. Да, начало произведения *опосредовано*, но давайте вести себя так, будто оно *непосредственно*. Да, в конце «Науки логики» она получит своё основание, станет ясно, зачем и почему она написана, но давайте вести себя так, будто я вам этого не говорил, и никакого основания у неё нет. И если мы будем так себя вести, то станут возможны операции обоснования, опосредования, а я, кстати, наконец узнаю, зачем когда-то написал «Феноменологию духа».

Здесь уже отчётливо проступают контуры *Aufheben* («снятие») как «фирменного» гегелевского метода, о котором, конечно, надо говорить отдельно. Однако сейчас нужно обратить внимание на жест, стоящий за ним — *переворот, обращение опосредованного в непосредственное*. Почему или исходя из чего я могу совершить такой жест? Гегель отвечает на это с поразительной откровенностью:

«[...] предполагается, что чистое знание есть результат конечного знания, сознания. Но если не делать никакого предположения (*keine Voraussetzung*), а само начало брать *непосредственно (unmittelbar genommen werden)*, то начало будет определяться только тем, что оно есть начало логики, мышления для себя. Имеется лишь решение (*Entschluß*), которое можно рассматривать и как произвол (*Willkür*), а именно решение рассматривать мышление как таковое».¹²

То есть я могу разомкнуть Круг «чистого знания» и начать «чистую науку», только потому что на то имеется *принятое решение (Entschluß)*. Причём это решение понимается как «произвол» (*Willkür*), со всеми его коннотациями «бесправия», «беззакония», «самоуправства» и т. д. Таков ответ Гегеля. Как переворот монеты с «решки» на «орла», только здесь волевым решением мы переворачиваем «опосредованное» (*Vermittelte*) на «непосредственное» (*Unmittelbare*), отсекая всё то, что привело к данному конкретному моменту — аннулируем пройденный путь. Чтобы ощутить в полной мере скандальность этого жеста, нужно представить, как лектор приходит в аудиторию и сообщает слушателям: «Мы с вами будем изучать неизвестно что, непонятно почему и ещё не ясно

11 Там же. С. 60.

12 Там же. С. 57.

с помощью каких методов. Потому что я так решил. И это, поверьте, для нас единственная возможность хоть что-то понять. А начнём мы, кстати, с нашего полного непонимания...».

Мы уже здесь можем сказать что-то о технике «внедрения» в гегелевский проект. Оказавшись в произвольной точке (а быть «непосредственным сознанием», *unmittelbare Bewußtsein*, — это явно произвольная позиция, прямо отсылающая к дальнейшей проработке этой темы на уровне экзистенциального анализа и, в частности, к онтологическим структурам «фактичности», «заброшенности» — *Faktizität, Geworfenheit* у Хайдеггера), начать движение, а затем произвольно его отменить, зафиксировав достигнутый результат, сделав его «началом начал» — непосредственностью как таковой, без всякого содержания, или «простой непосредственностью» (*einfache Unmittelbarkeit*). То есть возможность существования Введения в «Науку логики», которого быть не должно, определяется необходимостью данной операции — «внедрения», полное описание которой и является нашей конечной целью.

Заключение, или Почему определение логики оборачивается тавтологией

Но это ещё полбеда — подлинных масштабов проблемы мы ещё не осознали. Действительные сложности начинаются тогда, когда это *отсутствие начала* ставит вопрос о том, а с ЧЕМ мы, собственно, имеем дело? Если у «Науки Логики» нет начала, то вообще непонятно, с какого момента о ней можно говорить и как определить дискурсивные границы, в которых можно вести о ней речь: иначе говоря, мы не можем сказать, что она занимает какую-то определённую тематическую область или сферу. У логики НЕТ МЕСТА, где бы её можно было воспринимать. А следовательно, становится правомерным сомнение: *а существует ли вообще логика как «чистая наука»? можем ли мы определить её онтологический статус?*

В том-то и дело, что в этом измерении восприятия проекта Гегеля *онтологии как таковой попросту нет* (!) — не случайно логика сразу заступает на её место. «Онтология логики» невозможна, только — тавтологическая «логика логики логики...», согласно круговой траектории движения. И это надо понимать буквально: чтобы возникло само «ЧТО» и «ГДЕ» или какие-либо другие онто-логические измерения, уже необходима логика. Именно она должна ввести и настроить соответствующие инструменты — «понятия» (*die Begriffe*).

И создаётся стойкое ощущение, что проблема тут не в самом Гегеле — не в психологических особенностях его личности и в сложностях выражения, с этим связанных. Напротив, в рамках современной ситуации имеется *объективная сложность* в структуре научного высказывания («чтобы ввести понятия, мышлению уже необходимо так или иначе использовать эти понятия»), которую Гегель стремится продумать до конца — не считаясь с возможными потерями. Иначе говоря, дело не в том, как логику ввести, каким-то образом обосновать, а скорее — *как выпутаться из той, прямо скажем, непростой ситуации*, которая описана у Гегеля посредством «Науки логики».

Это первое, что нам следует отметить: наука логики — это не только и не столько дисциплина или знание, пригодное для трансляции, но — некая *ситуация*, требующая осмысления.

Литература

- Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — 800 с.
Жижек С. Возвышенный объект идеологии // Москва: Художественный журнал. 1999. — 234 с.
Кожев А. В. Введение в чтение Гегеля. — СПб.: Наука, 2003. — 792 с.
Немецко-русский словарь / ред. Лепинг А. А., Страхова Н. П. — М.: Русский язык, 1976. — 991 с.
Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. 1832.
URL: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (дата обращения: 16.08.2020).

References

- Hegel, G. W. F. (1832), *Wissenschaft der Logik*, available at: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (Accessed 16th August 2020).
Hegel, G. W. F. (1997), *Nauka Logiki* [Science of Logic], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
Kozhev, A. (2013), *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to the Reading of Hegel] Nauka, Saint Petersburg, Russia.
Leping, A. A. and Strakhova, N.P. (1976), *Nemetsko-russkii slovar'* [German-Russian dictionary], Russkii yazyk, Moscow, Russia.
Zhizhek, S. (1999), *Vozvyshennyi ob"ekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology], Khudozhestvennyi zhurnal, Moscow, Russia.

Project «Infiltration» or How to survive in the realm of shadows (quest for the keys to Hegel's «Science of Logic» — key No. 1)

Alexey A. Sukhno, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, volyakvlasti@mail.ru

Viacheslav V. Gulin, Institute of Computer Aided Design of the Russian Academy of Sciences (ICAD RAS), Moscow, Russia, kornet104@gmail.com

Abstract: The purpose of the article is to change the perception of Hegel's Science of Logic as a classic work that has exclusively «historical» and «philosophical» value. The authors show that it reproduces an ambiguous intellectual situation, which indicates an internal discord in the structure of scientific utterance. This raises the question of the need for a specific action for an adequate reading of Hegel's text, capable of overcoming this ambiguity. The result of using such an action will be that it will remove the critical distance from the reader with respect to the Hegelian work, and will allow him to "enter" into it. This revolution in the perception of the classical philosophical text, according to the authors, should lead to its actualization.

Keywords: Hegel, «Science of Logic», knowledge, infiltration, concept, ontology, circle, foundation, pure science.